Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Психотерапия проблемного пубертатника

СЕАНС ПЕРВЫЙ: К ВОПРОСУ О НАРИСОВАННЫХ УТКАХ — Что ты… сейчас делаешь? — осведомилась Инессе. Облизнув при этом пересохшие губы. Обстоятельства, при которых был задан сей невинный с виду вопрос, трудно было охарактеризовать иначе как весьма неоднозначные и двусмысленные. Будучи психологом, в свои двадцать семь лет Инессе не могла припомнить подобных случаев из своей практики. Начать с того, что собеседник её, коротко стриженый под ёжика и едва успевший достичь совершеннолетия черноволосый одиннадцатиклассник Кирилл, был сейчас не вполне в ясном разуме. Хотя и спящим его сложно было назвать. Часто ли ей приходилось прибегать к гипнозу в своей медицинской деятельности? Начиная с той пары тренировочных занятий на учебных курсах, когда к ним в академгородок приезжало светило трансовых состояний, — пожалуй, что и ни разу. Прежде в этом просто не возникало необходимости. — Ну… я… Голос парня, и без того глуховатый ввиду глубокого транса, стал на мгновение ещё глуше. — Не стесняйся. Расслабься, — мягким шёпотом увещевала Инессе. Стараясь не думать о том, как явное смущение Кирилла перед ней контрастирует с его же нарочитой ершистостью не столь давних минут. — Ты сейчас дома, в уюте и безопасности. Ведь так? Голова Кира медленно, как бы даже нехотя, согнулась в полукивке. Избрав стезю подросткового психолога и неплохо сохранившись для своих лет — ярко-зелёные глаза с хитринкой, не особо длинные пшенично-золотые волосы, слабо затронутая ультрафиолетом кожа едва позволяли дать ей больше двадцати — она обычно без особого труда находила путь к сердцам юных пациентов. Для девушек быстро становясь своей подругой, с парнями же метафора насчёт сердец могла работать почти буквально — всякий ли тинейджер станет замыкаться в своей скорлупе, видя, как его внутренним миром неподдельно интересуется миловидное создание в кресле напротив? Быть может, доходило временами и до лёгкой влюблённости. Нередкий случай отношения к врачу — в том числе и среди пациентов полноценно взрослых. Инессе не особо старалась прояснить для себя этот вопрос. Чем это могло бы помочь? Большинство мальчиков-подростков, впрочем, смотрели на неё не вполне романтическими глазами. Влияние массмедиа-среды? Стараясь сохранять ровный профессионализм в кабинете и не думать о работе больше необходимого дома, наедине с собою Инессе всё же не могла не признать, что благоговейные косяки, кидаемые иными её юными собеседниками ей под юбку или в не столь уж глубокий вырез строгого платья, производят двоякое впечатление. Отчасти смешное? — пожалуй, что так. Отчасти льстящее? — быть может, на пару мгновений. Некоторых её коллег подобное лишь раздражало. Она вспомнила слова Илзе, своей старшей знакомой и в некотором роде наставницы: «Эта работа выведет тебя на чистую воду, дорогая. Если в тебе нет задатков нимфоманки, то тебя скоро начнет тошнить от одного вида этих пубертатов-недоросликов. Но если есть — что ж, они смогут расцвести». Инессе иногда возвращалась в уме к этим фразам, гадая, не были ли они банальной проекцией. Вроде бы она пока не ощущала в себе эфебоцидских замашек в духе Фредди Крюгера. Нимфоманских — как будто тоже, пусть перебои с весьма нерегулярной личной жизнью и приближение важного для женщин возраста и наводили порою перед сном на странные грёзы. Но была ли она искренней с собой? — Так чем ты… сейчас занимаешься? — вкрадчивым полушёпотом поинтересовалась Инессе, придав голосу чуть придыхающие интонации. Интонация, так же как и пауза в речи,

Имела Значение. — Рассматриваю… обложку журнала… — Голос Кирилла чуть дрогнул, отчего третье слово получилось слегка похожим на бульканье. Психолог помолчала несколько мгновений, разглядывая неровно дышащего перед ней Кирилла, к щекам которого густо прилила кровь. Часом ранее — да что там, не более минут тридцати? — он отнюдь не производил столь кроткое и в то же время беспомощное впечатление. Тогда, когда Илзе ввела его в кабинет, перед этим с глазу на глаз кратко введя её в курс дела — проблемы с взаимоотношениями в школе, пассивное провоцирование драк, непристойное и вызывающее поведение, плюс явные отметины метафизической и политической интоксикации, что и послужило причиной обрыва контакта с предыдущим психологом: та неосторожно затронула в разговоре глобальные темы, после чего Кирилл прочёл ей гневную лекцию с изложением своих взглядов на свежие исторические события и замкнулся в себе. Поначалу Инессе попыталась завести с ним, как и со многими другими, весёлый разговор. Но контакт установить не удавалось, Кирилл оказался неуязвим к её обаянию, как будто даже не замечая чар своей собеседницы и отвечая на все вопросы односложными прохладно-высокомерными репликами. И, естественно, отказываясь наотрез вдаться в корни своих проблем — что неудивительно, учитывая, что скорее всего он явился сюда лишь по воле родителей, наверняка поджидающих где-то за дверью. Подросткам почти всегда происходящее с ними кажется если не нормальным, то хотя бы приемлемым. Получасом позже он всё-таки чуть приоткрылся — правда, лишь для того, чтобы с холодной язвительностью раскритиковать один из тестов, которым она для заполнения времени и в надежде на постепенное размягчение скорлупы его подвергла. Тогда и прозвучало саркастическое: «Доктор, вы бы ещё попробовали гипноз». Устав от бесплодных усилий, она уцепилась за это предложение с неожиданным для себя садизмом, поначалу не думая принимать его всерьёз, просто желая увидеть испуг на его лице. «Ты думаешь, Кир, гипноз может помочь нам нащупать решение твоих проблем? Что ж, я могу ввести тебя в транс», — небрежно промолвила она, откинувшись на спинку кресла. Молчание. Неуверенная усмешка: «Вряд ли у вас получится. На меня и пассы телегипнотизёров из старых дедовских видео не особо действовали». Обаятельная улыбка и покачивание мыском туфли — не без удовольствия Инессе заметила его потайной взгляд в ту сторону. «Ну, ты ведь мне поможешь, верно?» Вызов был принят. Теперь она задумчиво рассматривала залившегося багрянцем Кирилла, на котором, не зная толком, с чего начать, решила испробовать гипнотическую регрессию — отослав его назад во времени к пяти часам вечера вторника позапрошлой недели. Но чем он был тогда занят? Румянец на щеках парня и слова про обложку журнала склоняли к определённым догадкам. Инессе невольно вновь облизнула губы, ощущая, как её иголкой начинает покалывать что-то наподобие чувства мстительности. Она могла бы мысленно перенести пациента на полчаса вперёд или на полчаса назад — но ей почему-то хотелось остановиться именно на этом миге. — Как… называется журнал? — вновь бархатно понизив голос, задала она следующий вопрос. Горло Кирилла исторгло нечто вроде сдавленного кашля. Ладони его явно не находили себе места на мягких подлокотниках кресла, то ёрзая по чёрной поверхности, то стискивая пальцами блестящую кожу. — «Гуфи и его команда». Брови Инессе взлетели вверх. Всего-навсего невинное диснеевское издание, не Penthouse и не Playboy? — Что ты видишь на обложке? — на всякий случай и во избежание потери раппорта, специфической связи между гипнотизёром и гипнотизируемым, осведомилась она. Поведение парня по-прежнему продолжало казаться ей несколько странным. Дыхание его замедлилось, он как будто

выдохнул из себя следующее слово. — Дейзи… Психолог моргнула. Дейзи, то есть нарисованная утка, подруга Дональда Дака? Кое-как отображённый парой небрежных штрихов персонаж, в котором нет ничего особо человеческого? — Как она там изображена? — чувствуя себя покрасневшей от стыда за былые подозрения, тем не менее точности ради уточнила Инессе. — Она… — Дыхание парня на миг замерло. — Она изображена лишь по пояс, в небольшой рамочке в виде сердечка. Она выглядит витающей в нирване, а руки её… крылья или руки… сложены так, что… Тинейджер явно не мог подобрать слов, а сознательное усилие угрожало разрушить транс. — Успокойся, Кир, — мягко произнесла Инессе. Голос её стал почти медовым, хотя в душе её воцарилось некоторое недоумение. — Если не можешь описать, то не надо стараться. Просто покажи, как… как сложены её руки. Дыхание его вновь замерло и участилось, руки его съехали вниз с поблескивающих подлокотников и застыли аккурат промежду бёдер, часто дрожа. Прямо на заметно оттопырившейся — вдруг заметила Инессе — синей ткани брюк. Психолог ощутила, что алеет вновь, причём уже не от стыда за необоснованные подозрения — которые как раз оказались вполне обоснованными — а от общения с этим пубертатным подростком. Она и сама не раз располагала руки схожим образом — во время поездки в трамвае, к примеру, или сидя где-либо в очереди. Вот, стало быть, как это видится некоторым озабоченным особям мужского пола? Грезящим нарисованными утками. Девиацией последнего рода, к своему удивлению, Инессе была не столь уж шокирована. Хотя её личная практика редко касалась подобных вещей, но благодаря общению с коллегами и чтению специальной литературы ей было известно, что мелкие подростковые извраты в современном мире часто могут зайти в и не снившиеся родителям дали. Возбуждается от вида пернатой утки в милом бантике? Что ж, хорошо хотя бы, что не от физиономии Шрека. — Скажи, Кир, — тут, кажется, в интонации её голоса всё-таки закралась мстительность и даже лёгкое злорадство, — так чем же ты в данный момент занят?… Задав этот вопрос, она запрокинула ногу на ногу и свободно откинулась на спинку кресла. Ощущая себя вновь хозяйкой положения, королевой собственного кабинета, — ощущение, почти утерянное ею за последние полсеанса со Кириллом. Волновало ли её, что этим вопросом — не вполне нужным, говоря мягко, — она нарушает врачебную этику? Отчасти да, но овладевшее ею вдруг зыбкое ускользающее чувство было чересчур уж пленительным, чтобы так сразу от него отказаться. — Я… — Кирилл осёкся. Провёл языком по отчего-то вдруг вспотевшим губам. — Я… Он явно был почти в панике. — Ну ладно, Кирилл, — с лёгкой досадой пресекла его старания Инессе. Быть может, она ещё выведет его на чистую воду — но позже. А пока не испробовать ли уже открытый обходной путь? — Не надо это произносить. Просто… покажи. Пальцы Кирилла, и без того слегка подрагивавшие, крепко сжались на оттопыренной изнутри ткани брюк, затем снова сжались, ещё раз и ещё. Сперва оцепенелые и вялые, движения эти с каждым мигом становились всё стремительней и неудержимей. — Тебе… нравится этим заниматься? — задала ещё один ненужный, совершенно ненужный вопрос профессиональный психолог, задумчиво сложив руки на правом колене. — Да. Дыхание его становилось хриплым, щёки горели. — Ты делаешь это каждый день? — Да… Зачем она спрашивает его об этом? — Ты знаешь, — здесь Инессе вкрадчиво сделала паузу, — как по-научному называется то, чем ты занят? — Д-да, — голос Кирилла дрогнул. «Эта работа выведет тебя на чистую воду, дорогая». Инессе помедлила, будто подбирая забытый код к замку подъезда. Нарисованные утки, стало быть? — Ты видишь Дейзи, — негромко, словно секретничая, шепнула она. — Ты любишь смотреть на неё. Её руки, или крылья, так пикантно

сложены... — Да... Судя по звуку, тинейджер сглотнул. — Ты видишь, что ей это нравится, — полушёпотом добавила Инессе. — Ей бы хотелось, чтобы ты признал, что это нравится и тебе... нравится тебе самому. Сказал это вслух. Шёпот её стал совсем жарким. — Скажи это, Кир. Кирилл набрал в грудь воздуха. Щёки его заалели в этот миг куда гуще прежнего. — Мне нравится... н-нравится... м-ммм... — Что тебе нравится, Кир? — почти на одном-единственном разгорячённом выдохе уточнила она. Неужто он произнесёт это, посмеет изречь одно из запретных стоп-слов, от которых почти всегда сразу немеет гортань? По крайней мере, если это не беседа со сверстниками. — ...м-мастурбировать, — еле слышно, не размыкая век и старательно держась в краю трансовых грёз, выронил он последнее слово. Почему она испытывает странное чувство маленькой сладкой победы, вынудив пациента произнести это вслух и даже не разорвав при этом пелену гипноза? Инессе рассматривала непристойно изогнувшегося в своём кресле Кирилла, помимо жара от прилившей к её собственным щекам крови начиная ощущать что-то ещё. Иной жар, может быть? — Тебе ведь нравится, — тихо шепнула, почти прошелестела она, — не только Дейзи? Тебя ведь... привлекают и другие нарисованные героини? — Да, — вымолвил, почти выдохнул Кирилл. — Какие? Инессе в очередной раз облизнула губы. — П-принцесса Жасмин, — еле слышно, словно мёрзлыми или оцепеневшими губами, сознался Кирилл. — М-мэг из «Геркулеса». Одна из Муз... оттуда же. Другая принцесса, из «Бременских музыкантов»... На последнем признании он снова чуть покраснел, а голос его стал почти неразличимым. — Та, у которой невероятно короткая юбка? — педантично уточнила Инессе. Сама не зная чётко, зачем она это уточняет, но не будучи в силах сдержаться от очередного укола. — Тебе нравятся её длинные ноги? Голова парня слабо дрогнула в полукивке. — Ты часто... фантазировал о них, Кирилл? — вскинула брови психолог. — Специально разглядывая их? Мычание, исторгнутое горлом пациента, имело отчётливо утвердительную окраску. — Как? — опять медово-сладким голосом осведомилась Инессе. — Расскажи об этом, Кирилл. Из кресла напротив донеслось нечто похожее на сдавленный вздох, на миг даже вызвавшее у неё опасения о нарушении транса. Краем глаза она заметила, что руки Кирилла заново пришли в движение. — Видеоплеер, — единым звуком выдохнул он. Брови Инессе вновь недоумённо поднялись. Видеоплеер? Их семья так бедна или скаредна, что у них нету Интернета, пусть даже самого медленного? Хотя это объяснило бы несколько специфическую форму сексуальных фантазий парня, обычно принимающих такой облик в замкнутой среде. — Когда... когда родителей нет, — выдохнул Кир, — я... иногда запускаю запись. Останавливаю... кадр и... рассматриваю... Глуховатый голос Кирилла снова сбился. Что ж, ей было прекрасно известно, что гипноз не всемогущ и что многие комплексы продолжают действовать даже при нём. Минуту. Она что, и впрямь жалеет об этом? — Тебе же нравится, — нежностью интонаций Инессе постаралась смягчить звучание следующих слов, обычно так смущающих слух тинейджеров, хотя именно они чаще всех и дольше всех занимаются этим, — ласкать себя... разглядывая её ноги? Разглядывая ножки мультипликационной, нарисованной принцессы из Бремена... и мечтая заглянуть ей под юбку? Тон её был вкрадчив и доверителен, как если бы она сама сознавалась сейчас в некоем грязном секрете. — Очень, — после продолжительного молчания и звука сглатываемой слюны донеслось из кресла напротив. — Скажи это, Кирилл, — шепнула Инессе. Она ощущала, что раппорт меж ними в этот миг стал невероятно прочен. — Вернись мысленно к тем моментам, взгляни в её глаза, на её безумно длинные ноги. — Говоря откровенно, она не помнила точно вид героини детского мультика, так что била наугад. —

Признай вслух, что тебе это нравится… то, о чём я сказала… скажи целиком. Ты ведь этого хочешь… Память у пациентов часто обостряется под гипнозом, но не играет ли она сейчас с огнём во имя неясно чего? Кирилл помедлил. После чего выдохнул: — Мне н-нравится… р-рассматривать ножки… принцессы из мультика. Л-ласкаяя себя… Пусть и не дословно, но он всё-таки изрёк это вслух, озвучил эту до невероятности скабрёзную формулу. Инессе ощутила новую вспышку странного жара где-то глубоко внутри. Что её заставляет вести себя подобным образом, задавать пациенту эти вопросы один за другим и добиваться максимально полного ответа, что предельно далеко от психотерапии и противоречит любому виду профессиональной этики? Самоутверждение? Над кем? Над подростком, огрызающимся на весь мир, строящим из себя высокомерного философа и медитирующим на длинные ножки нарисованных принцесс? Похоть? Но, если она дошла до того, чтобы испытывать подобное к попавшему от неё в зависимость едва зрелому пациенту, то ей самой требуется психотерапия. Он даже и не вспомнит ничего из этого столь великолепно унизившего его допроса после выхода из транса — смысл самоутверждаться над ним? Что, пожалуй, и к лучшему, поскольку если бы происходящее стало достоянием общественности, её бы не миновало лишение лицензии и суд. Психотерапия? Что ж, не без иронии подумала Инессе, медицинская работа могла бы послужить хотя бы формальным оправданием совершаемому ею сейчас — не один и не два раза оказывалось так, что исток подростковых проблем коренился в сексуальных комплексах. Но тогда ей не помешало бы хоть для приличия вооружиться шариковой ручкой или включить диктофон для записи слов пациента? На секунду её обдало холодком от мысли, что могло бы быть при попадании записи не в те руки. Мгновением позже холодок сменился неким сладким ознобом. — Скажи, — произнесла она, роясь в сумочке, — а есть какие-либо нарисованные героини, приязнь к которым тебя смущает? Фантазиями о которых ты не стал бы делиться с первым встречным… или даже с раскованными сверстниками во дворе? На пару мгновений наступила тишина, прерываемая лишь шумным дыханием Кира. — Есть, — сознался наконец парень. Инессе поймала себя на том, что сама чуть ли не затаила дыхание. — Какие? Последовала ещё одна пауза. — Г-гаечка, — скорее невнятно прогудел, чем отчётливо произнёс он. И вновь — густо покраснел, явно не подозревая о популярности своего фетиша в Мировой Паутине. — Дейзи… из одного выпуска. — На миг он замолчал, как будто раздумывая, стоит ли пересказывать уже упомянутое, после чего дыхание его начало становиться всё тяжелее и тяжелее. — Первоклассница… с обложки старого букваря. Девчонка… с одной из страниц сборника советских сказок… На последней фразе он смолк, и Инессе чуть приподняла брови, поняв, что нащупала новую точку, по которой можно ударить. — Что за девчонка? — с мнимой небрежностью спросила она. — Её зовут Нейси. — Дыхание парня чуть вздрогнуло. — По сюжету сказки, она становится новой подругой оловянного человечка Меккидо и лягушонка Фолли-малыша в волшебном царстве Манданезии, помогая им свергнуть власть сурового тирана Терминога. Психолог провела языком по вновь пересохшим губам. — И о чём ты… фантазируешь, осматривая картинку? Когда Кирилл ответил, голос его стал глуше. — О том, как Нейси приподнимает платье… оно и без того коротко, её длинные ноги так красиво очерчены, а глаза так ярко блестят… перед Меккидо и Фолли-малышом. Соблазняя, дразня, очаровывая… то приподнимая платье, то строго возвращая на место, поигрывая также и с маечкой… разжигая в них пламя, но соглашаясь себя показать, целиком изъявить, лишь когда пламя это перерастёт в бурю… — Перерастёт в бурю? — заинтересованно спросила Инессе. Судя по откровенности рассказа

Кирилла и затейливости используемых им художественных оборотов, глубина раппорта или неосознанное доверие гипнотизёру достигли уже той величины, при которой поддерживать транс не будет стоить ни малейших усилий. — Это как? Вместо ответа Кирилл вжал руки крепче в закоулок меж бёдер, явно мысленно отсутствуя здесь и сейчас, а Инессе вдруг без всяких разъяснений поняла, какое явление — или скорее действие — должно почитаться за признак распалённого пламени. Какие, однако, поэтические выражения? — Нейси из твоих фантазий явно нравится следить... за языками бушующего пламени. — Психолог чуть покраснела, воспользовавшись перенятой метафорой. — А тебе бы хотелось, чтобы... за твоими языками пламени кто-нибудь понаблюдал? Кто-нибудь... особенный? Неизвестно почему, она сдвинула вместе колени, обтянутые тонкими золотыми колготками и до этого вольготно лежавшие одно на другом. Быть может, ей стало просто чересчур жарко? — Иногда, — коротко вылетело из Кирилла. — К примеру? — полуутвердительно мурлыкнула Инессе. — Иногда, — тут дыхание тинейджера вновь сделалось шумным, — я представляю себе, что было бы, будь у меня... симпатичная сестра... или племянница. Она входит в мою комнату в самый неподходящий момент или заранее таится в шкафу... и торжествующе разоблачает меня. Угрожая рассказать всё, выложить предкам... если я не буду подчиняться ей, если не буду... делать всё, как она говорит. — Какая распространённая фантазия. — Инессе чуть потеребила в задумчивости один из собственных локонов. Ей и самой доводилось некогда грезить о подобном. С поправкой на половые роли, разумеется. — Значит, — вдруг вспомнила она первопричину последнего вопроса, — тебе бы хотелось заниматься этим при девушке? Чтобы девушка... наблюдала за тобой? Она сглотнула отчего-то возникший в горле комок. — Хотелось бы... Психолог чуть наклонилась вперёд, вглядываясь в сонно прикрытые глаза пациента. — Это было с тобой когда-нибудь? Хотя бы один раз в жизни? Не спеши, Кир. Подумай... Последнее предложение было опасным, но интуиция подсказывала ей, что грань ещё не перешагнута. — Н-нет, — слетело с его уст. — Никогда. Инессе расслабленно вытянула ноги, дав минуту отдыха коленям. Текущий случай не был упомянут пациентом, случай этот не существовал для его сознания. Он и не подозревал, что фантазия его в некотором роде осуществляется прямо сейчас. Обидно, не правда ли? Ну, по крайней мере, теперь ясно, почему удалось так просто отключить его от действительности и склонить к нужным шагам. Обычно люди и под гипнозом не очень-то рвутся совершать действия, противоречащие их морали или скрытым желаниям. Вдруг ей на ум пришел ещё один потенциально компрометирующий вопрос. Испугавший её саму, ибо уж точно не соответствовал целям психотерапии — хотя разве этим она сейчас занимается? — Скажи, Кирилл, — доверительно шепнула она, — а ты когда-нибудь занимался этим публично? Пусть незаметно, тайно от окружающих? По лицу пациента как будто гуляли тени. — Да, — выдохнул он, — в школе. Несколько раз... — Расскажи об этом, Кирилл, — попросила Инессе. — К примеру, о самом последнем случае. Вернись к нему мыслями и поведай мне о происходящем... размеренно, не спеша... спокойно и неторопливо, красиво и просто, как речной поток играет камушками в заливе... Некоторое время в кабинете вновь было слышно лишь сиплое дыхание Кирилла. — Я сижу за партой, — глухо произнёс он, голова его чуть выпрямилась, словно отображая позу давно ушедших дней. — Идёт урок черчения. Урок ведёт Ирина Артемьевна... ей за сорок, но она милая внешне брюнетка в строгих квадратных очках. Её пушистый серый свитер туго обтягивает... её огромную грудь. — Ещё несколько мгновений Кирилл помолчал, будто сражаясь с собой. — Я кидаю взгляд в её сторону и тут же отвожу, пытаясь понять, не

чувствует ли Ирина Артемьевна мои взгляды. Воображению представляется её грудь на ощупь через свитер... представляется, как преподавательница строго приказывает мне выйти с ней в подсобное помещение... и, безуспешно расспросив о причине моего странного поведения на уроке, ледяным тоном повелевает закрыть глаза и вытянуть ладонь вперёд. — Тишину новой паузы нарушил гулкий звук сглатываемой слюны. — Я... почти чувствую её твёрдые, острые соски сквозь пушистую ткань. Я... я не могу больше терпеть. Моя левая рука опускается под парту и проникает под резинку брюк... Слушая дальнейший монолог Кира, Инессе ощущала, как её щёки пунцовеют, в горле пересыхает, а правая ладонь, до того вольготно лежавшая на колене, прижалась отчего-то к ткани колгот чересчур плотно. Взор её зачем-то метнулся на миг к мигающей лампочке диктофона. Почему? Ей всё равно не расколоть кристалл этого льда, не взломать стену ершистого равнодушия, не показать нагловатому подростку эту аудиозапись, насладившись стыдом и смятением в его глазах. Тогда — зачем? Тем временем рука Кирилла, двигаясь не совсем уверенно, явно повторяя движения, сделанные когда-то, нырнула за резинку брюк. — Правильно, Кир. Не останавливайся, — мягко велела Инессе. Уже не задаваясь вопросами о смысле того, что совершает, она извлекла из сумочки мобильный телефон и задействовала функции видеокамеры. Какая разница — зачем? — Я... дрочу, — выдавил Кирилл. Всё правильно, с него никто не снимал обязанности описывать происходящее, а переживаемые чувства явно вышибли из его головы все литературные обороты. — Дрочу... прямо в классе, дрочу на учительницу. О... я сейчас кончу!... У неё на миг возникло ощущение, что на месте «О» должно было стоять другое слово. Неужели какая-то часть сознания загипнотизированного ещё продолжает играть роль цензора? Голова Кирилла тем временем откинулась назад, из горла его вырвался хриплый стон. Внутреннее состояние брюк на расстоянии было трудно оценить, но Инессе была убеждена, что изнанка промокла насквозь. Ноготок её коснулся кнопки «Конец записи». — Всё хорошо, Кир, — шелковистейшим голосом проворковала она. Контакт не следует разрывать, иначе от чрезмерного всплеска чувств пациент может и самостоятельно выйти из транса. — Ты сидишь в мягком, бархатном кресле, ты дышишь размеренно и спокойно. Сейчас я медленно досчитаю до десяти и, когда я назову цифру «десять», ты проснёшься в хорошем настроении, ощущая себя выспавшимся и чувствуя на себе тёплые, сухие брюки. Раз... два... три... четыре... пять... На цифре «десять» — которая, вообще-то говоря, вовсе не цифра, а число, но до математических ли тонкостей сейчас было Инессе? — глаза Кирилла распахнулись. Моргнули несколько раз, медленно наливаясь знакомым ей выражением лёгкого ледяного презрения ко всему окружающему. — Ну так что, доктор, будем ставить опыты? — с напускным безразличием осведомился он. — Или вы скажете, что уже меня... Как там было в том фильме: «Самый быстрый револьвер на Диком Западе»? Психолог не сдержала улыбки. — В следующий раз. Сейчас, — взгляд её на мгновение метнулся к большим настенным часам, — уже чуть поздновато для экспериментов. — И правда. Как быстро летит время. — Судя по тону, Кирилл испытывал некие неясные подозрения, но не решался их сформулировать. — Вы твёрдо убеждены, что в следующем сеансе есть необходимость? Мне-то казалось, что вы как раз осознали глубокую бесперспективность этого и решили заняться чем-нибудь более стоящим — вроде распространения листовок против жестокого обращения с динозаврами. Да, это был он, её пациент. Язвительность и лёд в одном коротко стриженом индивидууме. — Ну что ты, Кирилл. — Поддавшись секундному порыву, Инессе отключила звук в телефоне и запустила

последнюю видеозапись, повернув сотовый экранчиком к себе и периодически переводя насмешливый взгляд с экрана на пациента и обратно. — Можно сказать, что я, наоборот, только начала входить во вкус этой терапии. Ты ведь не возражаешь против продолжения? Говоря это, Инессе вновь с неторопливой размеренностью запрокинула ногу на ногу. Быть может, потому что её в это мгновенье опять охватил странной природы жар. Быть может, дело было в пронёсшемся по кабинету ветерке, заставившем её вздрогнуть и ощутить на миг зябкую влажность ленты собственного белья. Быть может, в чём-то совсем ином. — Ну, в принципе, почему бы нет? — с недоумением и деланной величавостью повёл плечами он. — Мне не столь уж и трудно. Отчасти, пожалуй, даже приятно. Инессе мягко улыбнулась: — Следовательно, завтра в пять. СЕАНС ВТОРОЙ: НА ЧИСТУЮ ВОДУ — Присаживайся, Кирилл. — Зачем-то чуть передвинув вазочку с цветами на круглом столе, Инессе с чувством лёгкой неловкости кинула взгляд на пациента. — Ты не возражаешь, если мы с тобой начнём сразу с того, на чём остановились в прошлый раз? Она негромко кашлянула. Даже в кашле её как будто прозвучала некоторая робость. За прошедшие сутки она успела не раз переобдумать случившееся, то обзывая себя озабоченной нимфоманкой или жертвой преждевременного кризиса средних лет, то ловя себя на мысли о том, что не все из воспоминаний вчерашнего дня так уж противны. Как бы то ни было, сегодня Инессе была полна намерений повести терапию серьёзно — и даже включила заранее диктофон. Почему бы и вправду не прибегнуть к столь мощному средству, как гипноз, если уж пациент сам добровольно вкладывает его тебе в руки? — В чём дело, док? — Озвучив эту классическую реплику Багза Банни, Кирилл причмокнул губами, изображая хруст морковки. — С каких это пор врач осведомляется у пациента, как его лечить? Психолог позволила уголкам губ чуть приподняться. — Вообще-то это норма вещей. В душу постороннему человеку заглянуть не так легко, как в аппендикс, потому обычно сие осуществляется с его доброго согласия. — Она взглянула в карие глаза Кира. — Или ты предпочёл бы жёсткий авторитарный подход? Мысль о вопросе, ещё одном вопросе, что мог бы быть задан вчера и может быть задан сегодня. Нет, она ведь твёрдо решила, что будет вести терапию по-настоящему. — Как-то не задумывался прежде о выборе между казнью и ипотекой, — вновь пожал плечами Кирилл. Воплощённый сарказм. Как, впрочем, и полагается лицам определённого склада в определённом возрасте? — Быть может, мы перейдём наконец к делу? — поинтересовался Кирилл. — Я имею в виду, тут мило, но... Психолог вытерла ладони о край скатерти столика. Неясно почему, но они вдруг вспотели. — Конечно, Кирилл. — Голос её вновь приобрел вчерашнюю сладкозвучность. — Откинься на спинку кресла и закрой глаза. Расслабься. Ты чувствуешь истому и негу каждой мышцы в своем теле, её безмолвную и безграничную благодарность своему хозяину, подарившему блаженный покой. Ты слышишь мой голос, ласковым ручейком бегущий к тебе издалека... Глаза пациента закрылись, дрогнули пару раз и постепенно обмякли. С каждой новой фразой он всё глубже проваливался в забвение. Взгляд Инессе упал на мерно горящую лампочку индикатора диктофона. С чего начать? — быть может, как в прошлый раз, с гипнотической регрессии? Хотя она сама не решалась предположить, что именно в прошлом пациента она рассчитывает выловить и как это может помочь в терапии. — Сейчас девять часов утра, двадцать третье марта две тысячи четырнадцатого года. — Простоты ради Инессе решила использовать вчерашний день. Вчера было воскресенье. Выходной день для большинства, исключая некоторых ненормированно работающих психотерапевтов. — Что ты видишь перед собою, Кирилл? — Тарелку. — Голос Кирилла чуть-чуть понизился. В нём, как это часто

свойственно загипнотизированным, проявились глухие нотки. — Желтки. Один сферичен. Другой имеет слегка овоидную форму... Психолог сглотнула слюну. Можно было, пожалуй, предположить, что в девять часов утра выходного дня пациент будет либо спать, либо завтракать. Но повествовать о своём завтраке в столь наукообразном стиле? Совсем некстати она сама ощутила голод. — Уже десять утра, Кир, — пытаясь отвлечься от гастрономической темы, перемотала время вперёд Инессе. — Что ты видишь вокруг?... Веки Кирилла дрогнули и чуть сжались, словно под приливом солнечного света. — Парк, — выдохнул он. — Рядом стоят две карусели. Одна напоминает катапульту, а другая детский волчок... Что ж, в этих воспоминаниях, по крайней мере, нет ничего неприличного. Тем не менее Инессе, ощущая лёгкое неудовольствие, переместила пациента во времени ещё на час вперёд. Затем — ещё на один час. Чуть позже — на час с половиной. Что она рассчитывает найти? Если её целью является поиск скрытых причин и узлов нежелательного школьного поведения, то стоило бы перенести пациента поближе к учебным дням. Хотя она не столь уж опытный гипнотерапевт, так что, быть может, лучше потренироваться сперва на уже доступных временных интервалах? — Сейчас семь часов вечера, Кирилл, — сказала она. Решив сразу перескочить приличный кусок суток — как ввиду предчувствуемого однообразия ожидаемых событий, так и ввиду приходившейся как раз на этот кусок первой встречи пациента с Инессе. — Семь часов и тридцать четыре минуты. Почему бы не проверить теорию, по которой человек на неосознанном уровне всегда с высочайшей точностью ощущает время? — Что тебя окружает?... — задала она вопрос. Дыхание Кирилла слегка участилось. — Комната. С подобного рода многоречивостью парень мог бы быть принят за своего в Лаконии. — Твоя комната, Кир? — сделала голос чуть вкрадчивее Инессе. — Да... Нет, его дыхание определённо стало сбивчивым. Руки, лежавшие на подлокотниках кресла, задрожали странно знакомой дрожью. Психолог облизнула губы. Почему они, так же как и горло, вновь пересохли у неё? «Ты же профессионал, Инессе. Ты знаешь, как всё это тривиально и примитивно. Да, в этой возможности — которая отчасти сродни подглядыванию — есть нечто фривольное и дразнящее, особенно для тебя с твоей неуравновешенной личной жизнью, но не следует вводить свои проблемы в рабочий кабинет». Она облизнула губы снова. — Что ты делаешь, Кирилл? — спросила она. И тут же закусила губу. Она всё равно задала этот вопрос — который не должна была задавать. Парень, впрочем, не торопился отвечать. Руки его меж тем, словно следуя заученной памяти мышц, сползли вниз с подлокотников кресла... — О чём ты думаешь, Кирилл? — чуть мягче поинтересовалась Инессе. Такая формулировка едва ли войдёт в противоречие с подростковыми комплексами сильнее, чем всё сказанное до этого. В конце концов, на предыдущем сеансе он ведь уже описывал свои грёзы? — О... — Голос Кирилла осёкся, дыхание тоже прервалось — на миг. — Я... думаю о... Веки его задрожали, грозя нарушением транса. — Тебе ведь хотелось бы сейчас лимонного мороженого, не правда ли, Кир? — наполнила свой голос до предела сладостью и благоуханием Инессе. Что угодно, лишь бы увести мысли пациента от опасной темы. — Ощутить его кислинку и холод на языке. Насладиться неспешным скольжением его капелек по горлу... Дыхание Кирилла замедлилось, став размеренным. Через соединяющую их ниточку незримой связи — которую науке трудно объяснить — она чувствовала, что пациент всё ещё в трансе. Но что же тогда минуту назад чуть не прервало его, почти возвратив Кирилла к реальности? Инессе окатило душем леденящей догадки. — Ты слышишь мой голос, Кирилл, — как можно мягче и как можно глуше произнесла она. — Голос, исходящий неизвестно откуда. Голос, ведущий

неизвестно куда. Голос обволакивает тебя, укрывает слоями тёплого одеяла, дарует покой. Ты не знаешь, кто я и из каких пространств говорю с тобой. Ты хочешь лишь слушать меня и тонуть в ласковом озере моей речи, погружаясь всё глубже и глубже... Несколько мгновений она помолчала, прислушиваясь к почти неуловимому дыханию парня. — Сейчас двадцать третье марта две тысячи четырнадцатого года, девятнадцать часов тридцать четыре минуты, — тихо шепнула психолог. Дабы вспомнить нужное время, ей потребовалось усилие. — О чём ты сейчас думаешь, Кир? О чём мечтаешь? В гулкой тишине чётко раздался звук сглатываемой слюны — и это была не слюна хозяйки кабинета. — Об... Инессе... — краснея, выдохнул Кирилл. Пальцы его вцепились в кожу кресла. Брови её взметнулись. — О твоём психологе? — Кажется, голос её ещё никогда не был таким бархатным. — Тебе она нравится? Благодаря проведённому минутой ранее внушению субъект в кресле напротив даже смутно не воспринимал сейчас свою собеседницу как психолога Инессе. — Д-да, — приоткрыв и вновь закрыв рот несколько раз, прежде чем решиться с ответом, выдавил он. — Что именно в ней больше всего привлекает твоё внимание, Кирилл? — Интонации голоса Инессе оставались такими же нежными, а речь — неторопливой. — Опиши свои фантазии о ней... расслабленно, не спеша. Конечно же, она не думала, что озабоченного тинейджера пред ней могло заинтересовать её чувство юмора, ум или, к примеру, начитанность Юнгом, книги коего стоят на полочке у неё в кабинете? — Меня сводят с ума... её колени, — все ещё покрытый краской и тяжело дышащий, признался Кирилл. — Её тонкие, слегка поблескивающие золотые колготки... вызывают безумную жажду коснуться их. Так хочется, чтобы она... чуть сдвинула выше край платья... От сардонично-ледяного философа, осаждавшего её вчера едкими вопросами и напрочь невосприимчивого к её чарам, не осталось ничего. В кресле напротив поёрзывал вспотевший от похоти Кирилл, пальцы которого всё ещё стискивали из последних сил кожу подлокотников, но периодически смещаясь на миг ниже. — Не стесняйся, Кир, — психолог мягко понизила голос. — Ты в своей комнате, ты совершенно один и ты вполне можешь дать волю рукам. Ладони тинейджера окончательно соскользнули вниз с чёрно-бордовых подлокотников. — Скажи, — тихо шепнула Инессе, — что бы тебе хотелось... чтобы она... сделала? Просто для примера... Вызови на волю легионы образов... Несколько мгновений пациент молчал, и лишь крупная дрожь его рук — то стискивающих пальцы едва ли не до боли, то расслабляющихся вновь — говорила о бурной работе воображения. — В-вытянула... ногу, — отрывисто выдохнул он. — Например, во время одного из своих психотестов... Когда я расставляю галочки в квадратиках, вытянула вперёд свою ногу, обтянутую тканью колгот... и опустила белый каблучок... прямо мне на промежность. Чуть-чуть поиграла им... м-мешая заполнять тест... Пытаясь подать голос, Инессе не без удивления ощутила комок у себя в горле. С чего бы вдруг? — А потом? — кашлянув, спросила она. — Строго удивилась моему состоянию брюк. — Кажется, Кирилл едва дышал. — Велела мне переодеть их, прежде чем возвращаться к тесту... а поскольку сменной одежды здесь нет, просто снять с себя... брюки и бельё... целиком... Ещё некоторое время в кабинете царило молчание. Инессе поймала себя на том, что почти не дышит сама. — И ты бы сделал это, Кирилл? — Она наполнила свой шёлковый голос нотками лёгкого — едва-едва уловимого — удивления. — Ты бы подчинился? — Да, — единым выдохом вылетело из лёгких пациента. Инессе помолчала ещё немного, чувствуя, как кровь начинает ритмично постукивать в её висках. Кажется, она собиралась задать ему какой-то вопрос. Что-то, касающееся авторитарного подхода? — Скажи, Кир, — она неловко сглотнула слюну, — тебе ведь нравится

подчиняться? Тебе... — психолог минуту помедлила, — приятно, когда девушка отдает тебе приказ? Вынуждает... совершить нечто постыдное? Последние слова она едва ли не прошептала. — Оч-чень, — после паузы выдохнул Кирилл. Чем была вызвана пауза — гипнотической заторможенностью, смущением или пониманием отсутствия подобных ситуаций в своей реальной жизни? Может ли сказать, что любит ананасы, человек, который денно и нощно мечтает о них, но реально не пробовал ни одного? Как Инессе ни старалась, ей не удавалось собрать мысли в единое целое. Неужели ей остаётся теперь лишь только плыть по течению? — Ты часто фантазируешь об этом, Кирилл? — Ладони психотерапевта почему-то вспотели. Неловко отерев их о платье, она обнаружила, что край подола при этом слегка фривольно задрался, но не стала его поправлять. — Расскажи об... об этих фантазиях. Тех оказалось немало. Настолько немало, что психолог, хотя и почти утратив от наплыва чувств счёт времени, пару раз всё же кидала опасливый взгляд на часы. Они были по-детски бесхитростны, но в то же время чем-то неуловимо дики, то рождая у Инессе лёгкое смущение и дурноту, то вызывая нелепую усмешку, то побуждая снова скрестить колени. Фантазия о проходящих мимо балкона девушках, обманом выманивающих у тогда ещё маленького мальчика бинокль, затем соглашающихся вернуть его лишь в обмен на возможность подержать брюки, но в итоге оставляющих мальчика без нижней одежды вообще и со смехом заставляющих его выполнять прямо на балконе всякие непристойные вещи. Фантазия времён первой школьной линейки — о первоклассницах, пользующихся наивностью едва-едва пошедшего в школу пацанёнка и убеждающих его в обязательной необходимости совершить посреди класса нечто не вполне обычное. Фантазия странная и гастрономическая, с виду куда более поздняя, где пара загадочно хихикающих одноклассниц, зачем-то касаясь коленок друг друга бананами и иными элементами школьного завтрака, как бы с деланной неохотой соглашаются вовлечь Кирилла в свою игру — по ходу чего ласковые пальчики Лины, одной из одноклассниц, медленно и скользко размазывают его же творожный сырок и апельсиновый йогурт по изнанке его белья, заставляя Кирилла чуть ли не умереть от блаженства, но в то же время вынуждая его проходить в грязных штанах весь остаток дня под насмешливыми взглядами школьниц. Фантазия чуть менее дикая, но не менее бредовая, о сверстнице Оксане — на этом повороте сюжета Кирилл неизменно краснел — чья нежная ладошка также ухитряется в разгар написания школьного сочинения проникнуть Кириллу прямиком между ног, после чего сладкий шепоток доносит до него условия ультиматума: если он хочет, чтобы неземное наслаждение продолжалось, не прекращаясь ни на минуту, пусть напишет об этом прямо сейчас в сочинении — о своих невысказанных пожеланиях в адрес одноклассницы Оксаны и её руки. — И ты бы написал это, Кирилл? — с недоверчивым видом вскидывала брови Инессе, зачем-то теребя пальцами ремешок сумочки. — Если б Оксана велела тебе?... — Д-да, — выдыхал Кирилл, руки которого в свою очередь давно позабыли стыд. — Д-думаю, да... Он думает? Психолог бы заподозрила, что в кресле пред нею восседает клинический мазохист, если бы некоторые данные тестов и заметки по школьному поведению не говорили о сквозящих местами садистских чертах. Ну а его великолепно отточенная личина ледяного философа? С каждым мигом Инессе всё сильнее жалела о том, что нельзя той личине — язвительной и саркастичной — продемонстрировать эту. — Ты сейчас в своей собственной комнате, Кир, — вновь мягко напомнила она. Пора, пожалуй, прекращать этот заплыв по грёзам, пока это не зашло чересчур далеко. Какой там из моментов регрессии был завершающим? Ах, ну да, фантазии собственно о ней самой. Тут она ощутила, что её

намерение повелеть пациенту вернуться в настоящее и выйти из транса даёт слабину. — Ты говорил, что тебя возбуждают колени психолога Инессе, — шепнула она. В голосе её проскользнули нотки странной задумчивости. — Тебе нравятся её ноги. Тебе грезится, как она... повелевает тебе совлечь с себя нижнюю одежду. Психолог привычно облизнула губы. — Ты сейчас один, — вкрадчиво изрекла она вновь заветную мантру, — один в собственной комнате. Так сделай же это. Подчинись желанию Инессе... Инессе из собственных грёз... Наблюдая, как руки Кирилла медленным, как бы полусонным образом подбираются к резинке брюк, как он плавно-сомнамбулическим движением на миг выгибается вперёд и в то же время чуть приподнимается над креслом — предоставляя брюкам и белью возможность соскользнуть мимо коленей вниз к спортивным шлёпанцам, — она, Инессе, ощущала непередаваемую смесь лёгкого страха, стыда и иссушающего знойного жара. То, что происходило сейчас, не укладывалось ни в какие рамки, она пребывала наедине с практически голым и не вполне зрелым нравственно пациентом, и, хотя кабинет был заперт на открывающийся лишь изнутри замок, достаточно было слухам о происходящем хоть как-то разнестись — лишение её лицензии даже не будет вопросом времени. Инессе переложила колено с одного на другое, край её платья при этом задрался ещё выше, почти целиком обнажив правое бедро. Вместо того, чтобы поправить подол, она провела рукою по ткани колгот чуть выше колена, ощущая внутри себя бурнорастущий жар. — Какие ещё грёзы у тебя пробуждают её колени, Кирилл?... — тихо шепнула, почти прошелестела она. — Что бы ты хотел, чтобы она... твой психолог... сделала?... На лбу Кирилла, и без того разгорячённого предыдущими исповедями, выступил пот. — Чуть приподняла... край платья... во время тестирования, — повторился, сам того не заметив, её юный пациент. — Раздвинула ноги... — А потом? Сама не зная, зачем, Инессе и впрямь слегка распахнула колени. Жаль, что насладиться открывшимся зрелищем было некому. — Раскрепости фантазию, Кир, — вслушиваясь в участившееся дыхание парня, негромко произнесла она. — Дай волю воображению... Теперь его дыхание как будто прервалось на миг. Впрочем, отсутствие на нём брюк вкупе с бельём и без того превосходно позволяло судить о его состоянии. — Проскользнула... рукою под платье, — жарким выдохом слетело с его губ. На пару мгновений он замолчал, вновь дыша бурно и тяжело. — Провела ладонью по своему бедру... коснулась пальцами, через ткань колгот, ленточки трусиков... — И? Голос Инессе был как никогда сладок. — Провела... кончиками пальцев... чуть придавливая... по тончайшей шелковистой полоске. — Голос Кирилла меж тем с каждым словом становился всё тише, то почти теряя слышимость, то вдруг обретая её вновь. — Лаская себя... всё быстрее и быстрее... через воздушную ткань... В кабинете раздался чей-то тонкий и неимоверно протяжный стон. Заглотнув свежую порцию воздуха, чтобы хоть как-то прийти в себя, психолог не без удивления осознала, что это был её собственный стон. — Ты... хороший мальчик, Кирилл, — моргая, чтобы побыстрее сбить пелену из пылающих кругов перед глазами, выдохнула Инессе. Руку она по здравому размышлению решила так и не извлекать из-под колокола платья. Что уж теперь, когда нет смысла поддерживать даже видимость терапии? Парень пред нею никак не отреагировал на похвалу, явно продолжая пребывать в мире собственных грёз. Практически голый пациент, беспомощный и лишённый контроля над собою, яростно терзающий пальцами свою собственную плоть. И она — позабывшая о врачебной этике, нарушившая все правила и уставы, до сих пор бесстыже прижимающая пальцы к взмокшей насквозь ткани белья и колгот. Странно, но от мысли этой Инессе как будто ощутила под

пальцами новый укол жара. Стыд может быть даже чем-то приятен? — Кир, ты говорил, — пр ипомнила она вдруг, — тебе хотелось бы, чтобы девушка… велела тебе совершить нечто постыдное. Это… правда? Быть может, он выразился не совсем так. Но Инессе сейчас было не до перемотки назад ленты диктофона. Кирилл утвердительно склонил голову, дернул ею в полукивке, слишком распалённый, чтобы отвечать вслух. Она тщетно попыталась облизнуть губы. Во рту пересохло. — Оглянись, Кирилл, — на миг задумавшись, придала она своему голосу вкрадчивость. — Ты наблюдаешь сейчас окно своей собственной комнаты. Его шторы задёрнуты? — Да, — голос пациента на мгновение дрогнул. Естественно, будь шторы его комнаты в тот час открыты, предался бы ли он тому, чему предавался тогда? Голова его чуть повернулась вправо. Вероятно, там с его точки зрения располагалось окно? — Ты бы мог, — загадочно понизила голос Инессе, — прямо сейчас подойти к окну и открыть их? Прямо сейчас, не одеваясь, как есть? Она ощущала, что играет с огнём, что упала ниже, чем когда-либо могла представить, но не в силах была себя остановить. — Я… — Пальцы Кирилла в очередной раз конвульсивно дёрнулись. Дёрнулись и сжались. — Я не з… — Представь, — шепнула она, наполнив голос сладостью, — что психолог Инессе просит тебя об этом. Тебе же нравится фантазировать о ней, о её ногах, о её безумно дразнящих коленях? Вообрази, что она сейчас наблюдает за тобою. И ей хочется, чтобы… ты, продолжая думать о ней умом и телом… прямо так подошёл к окну и распахнул шторы. Последние слова она почти что жарко выдохнула, вложив в них все интонации, которые могла. Некоторое время после этого лишь молча следя за реакцией парня, действия которого вконец утеряли всякое подобие приличий, меж тем как черты его лица на миг исказились и выразили странную беспомощность. Поднявшись из кресла, он сделал около семи или восьми шагов вправо — застыв в ничем не выделяющейся внешне точке кабинета, которая, видимо, и была для него окном. — Открой шторы, Кирилл, — ласково шепнула она. Скорее даже советуя, чем прося. — Ей бы этого хотелось. Тебя же заводят… её ноги, её искушающие колени, её сводящие с ума бёдра? — Вновь используя эти обороты, частично позаимствованные от пациента, она даже слегка покраснела. — Ни на секунду не забывай о них… Тяжело дыша, Кирилл приподнял левую руку и сделал ею несколько резких движений в воздухе перед собой — по-видимому, символизирующих раскрытие штор. Правая рука его тем временем прижалась к промежности ещё крепче, а ноги чуть пошатнулись. Она наблюдала, как пациент пред нею бесстыже рукоблудствует у открытого окна собственной комнаты — что было реальностью в уме пациента и наверняка могло без особых усилий с её стороны стать реальностью наяву? — и ощущала при этом не поддающуюся переводу смесь переживаний, в которых впервые за всю свою жизнь не могла разобраться даже сама. Нормальна ли она? Пальцы её дрогнули, выученным движением скользнув по взмокшей тканной полоске. Осознав, что делает, Инессе на мгновение перестала дышать и ощутила на щеках румянец — но в следующее мгновение пальцы её прогулялись по знакомому маршруту ещё раз и ещё, несмотря на всё гуще заливающую щёки пунцову. Что есть норма? Свободная рука её, словно по собственной воле, устремилась к застёжке сумочки. В каком там из отделений располагался сотовый? Поймать в видеозахват входящего в раж, уже начинающего терять равновесие пациента было делом нескольких секунд. Подержав его около минуты в кадре, Инессе зуммировала изображение, чтобы приблизить искажённое в очередном стоне лицо. На некоторое время она залюбовалась им, ощущая себя при этом кем угодно, но только не психотерапевтом, дававшим клятву Гиппократа. Никакого пафоса, никакого сарказма, никакого льда. Лишь

похоть, стыд и готовность на всё ради оргазма. Вот бы увидеть эти прекрасные черты на его лице в обычном состоянии сознания? Она вновь попыталась облизнуть губы. — Тебе нравится, Кир? — нежно осведомилась она. Не вопроса ради, но чтобы снова уловить пациента в шёлковую паутину своего голоса. — Не спеши... ты можешь чуть сбавить ход... вдох за вдохом... — И-и-инесс... — само собою слетело с уст вспотевшего, едва держащегося на ногах Кирилла. Брови психолога взлетели вверх. Нет, всё должно быть в порядке. Он, вне сомнений, обращался к ней лишь как к объекту своих фантазий. — Инессе хотелось бы, чтобы ты остановился, — заговорщицким тоном шепнула она. — Ей хочется тебя помучать, понимаешь? Затвори шторы, возвращайся обратно... и натяни брюки с бельём. Порою коварства ради приходится говорить и правду. Чувство р а п п о р т а, этой незримой тонкой нити, соединяющей гипнотизёра и гипнотизируемого, как она, несмотря на все наплывы сумасшедших переживаний, ухитрилась сохранить его? Но она была твёрдо убеждена, что транс не нарушен и что индивидуум перед нею по-прежнему подвластен её воле. Хотя усмотреть иные признаки транса в сбивчиво дышащем, нервно поёрзывающем в кресле пациенте было бы ныне затруднительно. — Сейчас, — она старалась говорить неторопливо и гладко, — ты плавно начнёшь пробуждаться. Ты вспомнишь, что бодрствуешь в этом кабинете уже около часа. Ты вспомнишь тесты, которые... психолог Инессе... тебе за этот час дала. Вспомнишь дерево, которое она просила тебя нарисовать. Ты ведь помнишь это дерево, Кир? — Да, — глухо слетело, почти булькнуло, с уст пациента напротив. Он как будто начал чуть успокаиваться, дышать реже и глубже, и даже выпуклость на его брюках как будто слегка разгладилась. Психолог позволила себе улыбнуться. Уголками рта. — Ты вспомнишь и то, как за всё время сеанса почти не сводил взора с её коленей. Похоть владела тобой, и картины, одна жарче другой, возникали в твоём воображении. К нынешнему моменту, — она в очередной раз вкрадчиво понизила голос, — ты уже почти не можешь терпеть, Кирилл. Ещё немного, и ты взорвёшься. Дыхание Кирилла опять стало неровным. Колени его на миг сдвинулись и тут же снова раздвинулись. — Я начинаю считать до десяти, Кирилл, — уже не скрывая улыбки, мелодично произнесла, почти пропела она. — На цифре «десять» ты придёшь в себя в этом кресле и всё будет так, как сказано, так, как должно быть. Раз... два... три... ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ — Как насчёт ещё вот этого теста? — Инессе с наслаждением потянулась в кресле, ощущая на себе неотрывно прикованный к очертаниям её фигуры разгорячённый взгляд тинейджера. Вытянувшись вперёд, она протянула ему свежераспечатанный лист бумаги. Изображающий не что иное как жирную чернильную кляксу. — Что ты здесь видишь, Кир? — Психолог облизнула губы. Медленно и неторопливо закинув ногу на ногу. К щекам пациента густо прилила краска. Где величаво-небрежная реплика «Роршах? Как неоригинально», где саркастическое «Доктор, вы учились психотерапии по комиксам?»? Ему сейчас явно было не до холодной иронии. — Я... вижу... — пробормотал он. Его дыхание еле можно было различить, а в глазах его едва ли не выступили слёзы. — Вижу... Взор его никак не мог сфокусироваться на тонком листке бумаги, то и дело соскальзывая ниже и касаясь бликующих в свете лампы золотистых колготок Инессе. Она вновь слегка поменяла расположение ног, полураздвинув их. — Кирилл, не нервничай. Расслабься. — С тщательно рассчитанным выражением искреннего сочувствия и понимания Инессе взглянула ему в глаза. — Ясно, что ты переживаешь из-за своих проблем. Не волнуйся, — она сглотнула слюну, — мы обязательно сумеем их разрешить. Она вновь вытянулась вперёд — не забыв наклониться чуть ниже для наилучшей демонстрации своего декольте — и

жестом тщательно выверенного садизма утешительно коснулась рукою его колена. — Не бойся, Кирилл, — нарочито не замечая уже исполинского бугра на его брюках и глядя по-прежнему лишь ему в глаза, Инессе чуть сдвинула руку выше. Намеренно не достигая опасной зоны. — Вместе мы справимся... справимся с чем угодно. С губ Кирилла пред нею сорвался тихий стон. — Что с тобой? — Брови психолога демонстративно взлетели вверх. Глаза её округлились в приливе показной озабоченности. — Тебе плохо?... Рука её, продолжавшая мирно лежать на ноге пациента, сдвинулась ещё на пару миллиметров выше и слегка обхватила бедро. — Нне... — Кир явно был не в состоянии говорить. Листок бумаги выпал из его рук. — Я поищу что-нибудь в своей аптечке, — Инессе облизнула губы. Ещё никогда она не ощущала себя так сладко. — Подожди минуту. Полуобернувшись и продолжая слышать за своей спиной жаркое дыхание пациента, она неспешно распрямилась и сделала несколько шагов в направлении стеллажа с неприметными рядами мелких белых коробочек. Там, действительно, содержалось немало медикаментов на самые разные случаи — но стоит ли искать сейчас что-то конкретное? Она грациозно выгнулась, наклоняясь к самому нижнему ящичку, — вообще-то содержимое всех аптечек было изрядно унифицировано, так что ящичек сей был избран ею по несколько своеобразным причинам. Дыхание пациента позади заметно участилось. Инессе запустила пальцы в аптечку, делая вид, что поглощена поиском, и в то же время фривольно качнув нижней частью тела из стороны в сторону. — Так... что же нам выбрать... — нежно проворковала она. Локоть её чуть уперся в бок и слегка скользнул вверх по талии, этим как бы случайно задев ткань и приподняв край и без того недлинного платья, открывая обзору сзади уже не только манящие бёдра. — Реланиум, тазепекс... не то. Бризантинотиапакс... К жаркому дыханию позади добавился ещё один звук, напоминающий то ли ритмичное почесывание, то ли прочистку трубы, всё учащающийся и учащающийся. Звук этот был Инессе прекрасно знаком. — Вот, — неуловимым молниеносным движением она обернулась. Ослепительно улыбнулась, как бы не замечая замерших на миг и испуганно отползших от брюк рук пациента, его пылающего лица, стекающей вниз с его лба капли пота. — Лёгкое успокоительное, принять с водой. Достаточно двух таблеток. Шагнув к электрическому кипятильнику, она взяла небольшой пластиковый стаканчик и наполнила его означенной жидкостью. — На, — поставила она стаканчик на стол справа от тяжело пыхтящего Кирилла. — Прими. Пара белых кругляшков в её вытянутой ладони была в действительности афродизиаками, медикаментами, поименованными в честь любовной богини Афродиты. Хотя афродизиаки не всемогущи — они обычно способны лишь усилить и так разгоревшееся либидо — но как они сейчас повлияют на пациента? Кирилл проглотил таблетки и запил их водой почти не раздумывая, рефлекторно, словно пытаясь хоть таким путем отвлечься от терзающей его муки. Левая ладонь его при этом судорожно подёргивалась на подлокотнике кресла, как будто норовя вернуться к брюкам. Инессе улыбнулась: — Тебе же ведь стало легче, не правда ли? И, не предоставляя времени пациенту опомниться, мягко добавила: — Ну, думаю, мы уже истратили достаточно времени на тестирование, так что перенесём продолжение занятий на следующий сеанс. Ты не против? Она вновь выпрямилась, понуждая пациента также покинуть мягкое удобное кресло. Видя, что парень едва держится на ногах, психолог не удержалась от нанесения последнего удара. — Не волнуйся, Кир, — сделав шаг к нему, она на миг коснулась губами его лба. — Всё будет хорошо. И даже слегка приобняла его, прижавшись на секунду, на исчезающе малую долю секунды, к его дрожащему телу. — Иди, Кирилл. — Уголки её губ дрогнули в новой, уже едва

заметной улыбке. — Тебя ждут. Кирилл, еле способный держать равновесие, дёрганой спотыкающейся походкой сделал несколько шагов к двери. Дёрнул за ручку и, повернув её, почти что вывалился наружу. Замок негромко щёлкнул. Инессе безвольно опустилась в кресло, жалея, что стены кабинета непрозрачны и что она не может сейчас наблюдать встречу пациента с родителями. Как это будет выглядеть, интересно? Как повлияют афродизиаки на юный распалённый организм? Не извергнется ли он прямо при всех в брюки? Или, того пуще, даст волю рукам? Она вновь вытерла опять отчего-то вспотевшие ладони о ткань платья, ощутив лёгкий озноб. Следующий сеанс — будет ли он вообще? Если и будет, то о нём скорее всего придется договориться по телефону. Но после сегодняшнего... Она облизнула губы, с чувством невольной жажды взглянув на надпитый пациентом стаканчик. Как знать. СЕАНС ТРЕТИЙ: В СВЕТЕ ЯСНОГО РАЗУМА — Ну, — попыталась жизнерадостно улыбнуться Инессе, — как мы провели день? Спросив это, она облизнула губы, поглядывая на смущённо переминающегося с ноги на ногу пациента, почему-то сложившего руки за спиной, багрово пунцовеющего и никак не решающегося присесть. — Располагайся, Кирилл, — взмахнула она ресницами, радушно указывая рукой в сторону просторного кожаного кресла. — Не робей. Вновь переступив с ноги на ногу, Кирилл с потерянным видом водрузил себя в кресло. Именно водрузил — осторожно нащупывая задом чёрную поблескивающую поверхность, как при освоении минного поля. Лицо его чуть дёрнулось при этом, как от укола боли. В уме Инессе молнией промелькнула догадка о возможных причинах этой конвульсии. Догадка, вместо вины почему-то на миг наполнившая её странно-сладким садистским ощущением. Не сказать, чтобы за истёкшие сутки она ни разу не попыталась привести себя в чувство. Но это было откровенной игрой в одни ворота, поверхностным индульгированием, отчаянным обелением себя — в то время как её Светлое Я театрально ужасалось совершённому и пафосно выдирало из крыльев в раскаянии белые перья, её Тёмное Я самодовольно пересматривало вновь и вновь сделанные видеозаписи, прокручиваемые снова и снова якобы в приливе стыда. Попутно она, словно бы в припадке педантичной скрупулёзности, подготавливала текстовую версию произошедших меж нею и Кириллом интервью, где были старательно выглажены все её реплики, производя впечатление нейтральных корректных вопросов с её стороны — и ответных потоков похоти со стороны пациента. Зачем? В уме Инессе проносились самые разные варианты последующих событий, включающих в себя и зыбко манящую возможность шантажа. Тут, впрочем, следовало проявить крайнюю осторожность, чтобы шантаж не стал обоюдоострым, — кто знает, известно ли её пациенту, на сколь тонком волоске висит лицензия любого частного психотерапевта? — Ты знаешь, Кирилл, — с застенчивым видом кашлянула она, наклонившись вперёд, — твои родители сообщили мне, что ты в прошлый раз после ухода от меня вёл себя как-то необычно. Правда ли это? Разлившаяся по всему лицу Кирилла бордовая краска послужила ей наградой за блеф. На самом деле родители Кира не сообщали ей ничего подобного — ни по телефону, ни непосредственно. Постеснялись, быть может? — Не надо нервничать и переживать, — шепнула Инессе, коснувшись краем ладони кончиков пальцев своего юного подопечного. — Вообще пациент не должен стесняться своего психолога. Он должен быть откровенен, как с духовником... как на исповеди... Она ощутила, что подопечный её на миг словно перестал дышать, после чего дыхание его возобновилось, но став более тяжёлым и хриплым. Ей даже показалось, что брюки Кирилла чуть изменили форму — но взглянуть прямо она не осмелилась. Неужели у него уже вырабатывается условный рефлекс на её близость и

прикосновения? — Хочешь, я принесу успокоительного? — психолог взглянула в глаза своему пациенту. Снова облизнув губы. — Думаю, оно поможет тебе держать себя в руках. «Часть себя», — внутренне улыбнулась она. «Причём, быть может, буквально», — прибавила мысленно некая особо тёмная часть её Я. В этот раз вместо таблеток Инессе предпочла использовать растворимый в воде порошок, чтобы не порождать у Кирилла ненужных подозрений. Относясь, тем не менее, к тому же классу, препарат этот должен был вызвать примерно тот же эффект — или даже чуть более быстрый благодаря усвоению через слизистую. Наблюдая, как прозрачная жидкость с булькающим звуком перемещается в организм её едва половозрелого пациента, психолог в задумчивости пощёлкала кончиками полированных ноготков по левому подлокотнику кресла. — Так что же тебя так сильно взволновало, Кирилл, вчера после ухода? — осведомилась Инессе, остановив на нём взгляд своих невинно распахнутых прозрачных глаз. — Я слышала, ты был вчера сам не свой. Кирилл покраснел ещё гуще, хотя, кажется, гуще залиться краской было уже невозможно. — Я... — Неужели что-то из нашего разговора смутило или напугало тебя? — ангельским тоном проворковала она. Кирилл упёр ничего не выражающий взгляд в поверхность полуразделяющего их стола. Как вдруг осознала Инессе — чтобы не видеть её нагих коленей, зрелище коих, едва прикрытых платьем, сейчас было ему явно непереносимым. — Н-нет. — Кусая губы, он, кажется, чуть-чуть икал при каждом слове. — В-вы не виноваты. Инессе слегка передвинула своё кресло вбок, дабы стол справа между ними уже не казался разделяющей их несокрушимой преградой, а её нагие колени открылись Киру в чуть более соблазнительном ракурсе. — В самом деле? — ротик её на миг приоткрылся буквой «О», а личико приняло озабоченный вид. — Мне бы не хотелось думать, что я по нечаянности смутила тебя, вызвав страх или боль. Произнеся это, она с самым искренним видом придвинулась ближе, почти касаясь его коленей своими коленями, этим практически вынудив его поднять взор. — Скажи, Кирилл, — она облизнула губы, — ты правда на меня не обижен, не таишь зла или камня за пазухой, хорошо относишься ко мне? Кирилл смотрел на неё не мигая, его колотило мелкой дрожью, брюки его уже вздувало шатром, а последние слова психолога явно блуждали эхом — и не находили приличный отклик — в коробе его черепа. Инессе чуть переместила колени, слегка раздвинув их. Она поймала себя на том, что уже не ощущает себя психотерапевтом. Во всяком случае, не более, чем Ганнибал Лектер ощущал себя кулинаром. — Как ты... относишься ко мне? — она в очередной раз облизнула губы. И оставила их приоткрытыми. Парня перед ней трясло всё более крупной дрожью. — Я... — Он замолчал, словно заткнув сам себе рот на полуслове. В глазах его стоял ужас. — Нет... пожалуйста, доктор!... — Успокойся, Кирилл, — нежно прощебетала Инессе, вытянув руку вперёд — и, как ни в чём не бывало, погладив напряжённую ладонь пациента, которой тот вцепился в правый кожаный подлокотник кресла. Облегчать его муку она ни в коей мере не собиралась — напротив, именно сейчас она ощущала себя как никогда хорошо. — Мне просто интересно знать, что ты чувствуешь ко мне. Разве это неестественный интерес? С этими словами она кинула на него очередной тщательно отрепетированный невинный взгляд. — Я... Инессе поощрительно взмахнула ресницами, ожидая продолжения и в то же время чуть сжав руку пациента. — ...х о ч у вас... Выдохнув, почти вытолкнув эти слова из себя, он смолк. И, кажется, почти перестал дышать, словно только теперь осознав произнесённое. Психолог выдержала паузу. Позволила бровям своим изумлённо приподняться, будто в осмыслении услышанного. — Меня? Кирилл кивнул. Мелко, судорожно. — Вот как, — расширила глаза Инессе, не особенно, впрочем,

отыгрывая какую-либо бурную реакцию. Пальцы её меж тем как ни в чём не бывало принялись вновь поглаживать ладонь Кира. — И как давно? Он открыл рот, потом снова закрыл. — С с-самого... — Он замолчал. Ему явно было нелегко сосредоточиться, а движения пальцев Инессе не особенно спасали ситуацию. — С самого начала. — Как это было? — Видя смятенный, непонимающий, шокированный взгляд Кирилла, психолог мягко уточнила: — Быть может, я не так себя повела... или не то сделала. Что вызвало у тебя... определённые желания, Кир? Когда или, может быть, при виде чего ты начал чувствовать это? Расскажи. Она снова чуть сжала его руку, глядя ему в глаза. В глаза, где плескался уже не только ужас, но и безвыходная обречённость. — Это... это было, наверное, едва ли не сразу, как... я увидел вас... доктор. Вас, вашу... юбку, ваши... ноги... — Тебе нравятся мои ноги, Кирилл? — улыбаясь внутренне и едва сдерживая улыбку снаружи, Инессе провела свободной рукой по колену. — Д-да. — Они возбуждают тебя? — Да... Голос его в этот раз был еле слышен. — Расскажи. Расскажи о том, какие чувства, желания они вызывали. Расскажи о мыслях, связанных с этим, что возникали у тебя тогда. Это было слаще гипноза. Пациент был полностью в сознании, он видел её, он слышал её, он понимал её. Тем не менее он пребывал сейчас целиком в её власти, каждым словом своим закапывая себя едва ли не глубже, чем мог успеть закопать себя за время предшествующих гипнотических сеансов. Причём он наверняка и сам понимал это — пусть даже не зная о гипнотических сеансах и о недавно включенном Инессе диктофоне. Понимал — но сделать ничего не мог. Быть может, в этом-то и таилась главная сладость? — А когда вы наклонились за... за конфетами, ваша... грудь... проступила на миг сквозь бельё и одежду... — продолжал сбивчиво излагать Кирилл, на лбу его выступила испарина. Кажется, он уже сам не мог остановить саморазоблачение, зашедшее столь далеко. — М-мне захотелось... потрогать её. Сжать... — Вот так? — не удержалась Инессе от наглядной демонстрации и одновременно лёгкого поддразнивания, чуть изогнувшись и при этом проведя ладонью по своей груди, чуть стиснув на мгновенье пальцами через одежду сосок. Кирилл на несколько секунд замолчал, как будто еле удерживаясь от того, чтобы выскочить из кресла и сделать нечто необратимое. — Д-да, — тяжело дыша, подтвердил он. Инессе ещё раз с тщательно отработанной невинностью взглянула ему прямо в глаза. — А какие помыслы, — она смолкла на миг, — возникали у тебя при взгляде на меня с иных сторон? Ведь не могли же у тебя вызвать горячих желаний, — она вновь сделала короткую паузу, — мои руки? От одного взгляда на её нежную левую ладонь, по-прежнему лежащую поверх правой руки Кирилла, Кирилла снова начало трясти. — Или могли?... — сделала она голос вкрадчивее. Кирилл, кажется, почти перестал дышать. — М-могли, — через силу, чуть не с машинной сухостью, выдавил он. — Каких, например?... Она наклонилась ближе, не разрывая контакта глаз. — Ч-чтобы вы, — слетело, кажется, само собой с уст Кирилла, — п-приласкали меня... п-проскользнув п-под брюки рукой... Видимо, ещё один прилив ужаса от осознания только что сказанного — действительно, ну разве не ужас, обыденные и даже скучные подростковые сексуальные фантазии без какой-либо искры творчества? — в очередной раз сомкнул его уста. Инессе на миг стало забавно. — А мои волосы, — она подобрала свободной рукой часть золотистых локонов, пропустив их сквозь пальцы, — какие образы, какие желания или фантазии они рождают у тебя сейчас? Только честно. Интересно, придумает ли и здесь что-нибудь извращённое озабоченный мозг? Взгляд Кира безмолвно умолял о пощаде. — Честно, — снова шепнула она. — Я... — он помолчал. — Мне захотелось... м-мне... п-представилось, как я... — Он вновь замолк. — Да, Кир? — сладко выдохнула Инессе. До боли

зажмурившись, Кирилл договорил: — ...к-кончаю на них. Психолог едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Ну да, чего ещё можно ожидать от современного недоросля, воспитанного порнофильмами и порножурналами? — Ну, Кирилл, — чарующе взмахнула ресницами она, — всё это, о чем ты мне рассказал, конечно, немного смущает. Но, в конце концов, — тут Инессе позволила своему голосу упасть до бархатного шёпота, — это не так уж и удивительно для... парня твоего возраста. Она помолчала немного, поглаживая его ладонь и с наслаждением вслушиваясь в его встревоженное дыхание. — Обычно, — негромко добавила Инессе, — подростки... особенно мальчики... прибегают к своим собственным методам снятия напряжения. Ты ведь понимаешь, о чём я говорю, Кир? Интонация её стала лишь самую чуть строже, а взор — на исчезающе малую толику пристальней. Но парень кивнул, не отводя от неё затуманенного взгляда. — Ты занимался этим, Кирилл? Пауза — и ещё один кивок. Чуть заторможенный — не под гипнозом ли вновь сам собою оказался её пациент? Впрочем, рассуждая по Эриксону, грань между гипнозом и вполне обыденными состояниями ума вообще не столь уж заметна. — Ты... занимался этим, думая обо мне? Как же мягок, нежен и шелковист сейчас её голос. Как же блестят сейчас от слёз глаза пациента напротив. Невольное движение кадыка, словно бы в попытке сглотнуть, — и шея его вновь изгибается в кивке. — Расскажи. «Инессе, тебя нужно не просто лишить лицензии. Тебя следует подвергнуть десяти годам лишения либидо через непрерывный расстрел на электрическом стуле». Тем не менее она продолжала размеренно кивать, с ангельской полуулыбкой выслушивая уже отчасти знакомые ей откровения, временами слегка сжимая пальцами его ладонь — и театрально расширяя глаза при встрече с чем-либо неожиданным. — И ты... подошёл тогда взаправду к окну? — вновь взмахнула ресницами она. — Да, Кирилл? Багрянец на щеках пациента говорил сам за себя. Кто мог подумать, что мимолётная шалость, проделанная с ним под гипнозом, оставит следы в подсознании и побудит потом Кирилла пережить подобное наяву? «Ты могла», — была вынуждена признать сама перед собою Инессе. Она, в конце концов, дипломированный психолог. Но почему же это не остановило её? — Ты стоял перед окном... со спущенными брюками? — как бы в смущении и неловкости кашлянула она. — Что ты чувствовал тогда? Сбивчивым, чуть надтреснутым голосом он почти беззвучно поведал ей о своих ощущениях. Ничего особо высоколитературного в этом описании не было, но Инессе всё равно чуть улыбнулась, вспомнив о включенном высокочувствительном микрофоне. — Значит, тебе нравилось стоять там так, в слегка позорном компрометирующем виде? — негромко шепнула она. — Зная, что тебя могут видеть десятки людей... включая девушек?... Парня в кресле слабо передернуло. — Да... — Тебя ведь... возбуждают такого рода вещи, Кирилл? — вкрадчиво предположила она. — Тебе ведь нравится... следовать чуть-чуть неоднозначным приказам девушек? Или пребывать перед ними... в слегка неоднозначном положении? Как же приятно ощущать себя ясновидящей, в действительности пользуясь информацией, бессовестно извлечённой из его подсознания. — Очень, — знакомым безвольным выдохом слетело с уст пациента. Инессе взмахнула ресницами, чувствуя, как с каждым мгновением всё сильнее потеет рука в её ладони. — Тебя возбуждает этот наш разговор? Она на несколько секунд задержала дыхание, вслушиваясь во всё учащающиеся хриплые звуки из кресла напротив. — Тогда расскажи, Кир... расскажи что-нибудь о себе сам. Что-нибудь, о чём я бы не догадалась спросить. Хриплые низкие звуки прервались на миг, тут же возобновившись. Губы его слегка приоткрылись, сразу снова сомкнувшись, но ненадолго. Парень, окованный сладкими цепями прочнее гипноза, механически провёл языком по явно

пересохшим губам и начал говорить. Откровения его и вправду оказались немного пожёстче, чем всё, что доселе Инессе исхитрилась извлечь из его ума, пусть даже и оставаясь изрядно банальными. Движимый мазохистским стремлением предельно себя оскоромить перед допрашивающей его прекрасной девушкой, Кирилл извлёк из глубин памяти самые позорные воспоминания — связанные с Эдиповым комплексом, с зачатками некоей пародии на гомосексуальный опыт и даже с попыткой соорудить однажды подобие секс-куклы из нескольких диванных подушек, открытого на нужной странице журнала и кружки с водой. — Так значит, говоришь... у тебя ничего не вышло? — давя зарождающийся смех, взмахнула в очередной раз ресницами Инессе. — Н-нет, — выдохнул Кирилл. — Кружка... была слишком глубокой. — Неудивительно, — почти пропела психолог. Неужели ей всё-таки удастся не рассмеяться, выслушивая всё это? — Хорошо, Кирилл, — мягко произнесла она, снова погладив его вспотевшую руку. — Ну а когда ты вчера после сеанса покинул мой кабинет, о чём ты думал тогда? Мы так и не коснулись причин твоего... тогдашнего поведения. Как же неимоверно приятно мучить этого пациента. Хотя, учитывая явный мазохизм оного, неизвестно ещё, кто из них двоих сейчас получает больше удовольствия. «И как тебе не стыдно, Инессе, — вновь притворно упрекнула себя она. — Психологам подобает сглаживать извращения своих юных пациентов, а не усиливать и растравлять их». — Я... я... — губы тинейджера задрожали. — П-простите, доктор... Скользнув ещё раз пальцами по его вздрагивающей руке, Инессе слегка переместила ладонь. Нежно оглаживая ткань правой брючины чуть выше колена. — Да, Кирилл?... Как-то вдруг резко передёрнувшись всем телом, пациент вскинул голову. Лицо его было бледным и поблескивающим, как если бы от вспотевшей кожи разом отлила вся кровь. Следующим движением — столь быстрым, что Инессе едва успела уловить его и отдёрнуть руку, — Кирилл выпрямился. Пару секунд нависая над ней, дрожа и чуть покачиваясь подобно голливудскому зомби, он вытянул руку вперёд, пальцы его через ткань платья обхватили её левую грудь. Ещё мгновение — и правая рука его, оказавшись на нагом колене психолога, скользнула вверх прямо под короткую юбку. — Но, Кир... — Инессе привстала, как бы от шока и растерянности, также выпрямляясь перед пациентом. Что на деле привело лишь к вольготному перемещению его руки ещё выше, его пальцам уже ничто не мешало нашарить зыбкую ленточку трусиков, а то и сорвать их. — Доктор, я вас хочу, — шепнули снова почти беззвучно, исторгли безвольно его губы заветную мантру, меж тем как пальцы его слепо нашаривали молнию платья. Капризный механизм заело, на краю ума Инессе мелькнула невольная мысль, что исторически все эти молнии, замочки и крючки специально предназначались для предотвращения изнасилований. Но остановить всерьёз это могло разве что благородного рыцаря или викторианского джентльмена — что и доказала с особым цинизмом рука Кирилла, вцепившись грубее в тонкую ткань, после чего послышался треск рвущейся материи — и плечи Инессе вдруг ощутили прохладу, мгновением позже распространившуюся по всему телу. Она стояла перед пациентом полунагая, теперь уже сама неуверенно пошатываясь, верх её белья изначально отсутствовал, а трусики её были спущены до колен. Взгляд пациента так и стрелял вверх-вниз по её телу. — Не надо, — как можно слаще выдохнула она, слегка дрожа. Не забыв пробежать влажным язычком по губам. — Надо, — слетело одним выдохом с его уст, в то время как руки его привлекли прекрасную жертву ближе к себе. Жертва меж тем ощутила, как колени её подгибаются, как она падает обратно в покинутое ею кресло. Звук молнии, разъезжающейся, с резким лязгом расходящейся на брюках пациента. Чувство крепких рук на её талии и её

бёдрах, рук, снова прижимающих её к телу напротив, чувство жаркой юношеской плоти, вторгающейся в её нутро. Она раскинула бёдра, дёрнув правой ногой и освободив её из плена и так уже едва не спавших трусиков, обхватила хищно своими бёдрами Кирилла, почти обнимая его ими, позволяя плоти его агрессивно вломиться внутрь до самого дна и заполнить её целиком. — Ки-ир... — простонала она, мгновеньем позже закусив губу. Лишь для того, чтобы тут же освободить её, выпустив на волю душащий её бессловесный крик, ощущая, как раскалённое белое пламя неумолимыми, безжалостными, всё учащающимися и учащающимися толчками пожирает её изнутри. — Инесс... Последний слог её имени, и без того часто опускаемый в некоторых традициях произношения, заблудился где-то в недрах горла пациента, в то время как губы его искали полувслепую её шею, подбородок, рот, натыкаясь то на щеку, то на впадинку под носом. Последний аккорд, последний крик, и Инессе действительно закричала, распахнув что было силы рот и выгнувшись дугою навстречу проникающей в неё безжалостной мощи, сломившей её на это неимоверно нескончаемое мгновенье, сломившей и покорившей. ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ — Простите, доктор... пожалуйста. Простите... Он не открывал глаз, уткнувшись кончиком носа в район между её плечом и её же шеей. Продолжая полуобнимать друг друга, лёжа в не столь уж и просторном для подобных целей бархатном кресле, со стороны они могли показаться внешнему зрителю парой влюблённых голубков. — Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — чуть повернув голову, найдя губами его ухо, строго шепнула она. — Ты... изнасиловал своего психолога. Это преступление, Кир. «Дающее возможность для шантажа даже без учёта уже собранного ранее компромата. Дающее мне в руки полную власть над тобой». Это была первая мысль. «Теперь, пожалуй, так или иначе не составит никакого труда заставить тебя вести себя в школе как подобает. Вот родители будут удивлены резкими переменами за три сеанса». Это была вторая мысль. — Я знаю. — Кирилл открыл глаза. — Но вы... лично вы, Инессе... — Он смотрел несколько мгновений ей в лицо, в глазах его стояло отчаяние, отчаяние и боль. — Простите ли вы меня? Вместо ответа она опустила ладонь ему на затылок и мягко погладила его. Кирилл снова закрыл глаза, она с некоторым недоумением ощутила, как тело его конвульсивно содрогнулось. Ещё миг — и оно содрогнулось снова, уши Инессе при этом уловили слабый, но явственно различимый всхлип. — Не бойся, Кирилл. — Она слегка взъерошила его шевелюру, думая, не перегнула ли палку. — Всё будет в порядке. Вновь приподняв веки, пациент посмотрел на неё, выражение его глаз в эту минуту едва ли поддавалось переложению словами. — Дело... дело не в этом. — Он пытался дышать как можно чаще и как можно глубже, искусственно осушив свой голос. — Я... я плохой человек, Инессе. И я виноват перед вами. Вы с самого начала, с самого первого сеанса хотели мне только добра, а я... Он уткнулся опять лицом во впадину между её плечом и шеей, хотя уже и не решаясь приникать плотно к коже, психолог же — к удивлению своему — ощутила нечто похожее на глубоко затаённые угрызения совести. — Никогда не следует идеализировать других, Кир, — сухо произнесла она, пытаясь подавить грусть. — У них могут быть свои, неведомые тебе скрытые побуждения. Кирилл чуть-чуть поелозил носом, словно стремясь зарыться, спрятаться глубже в её золотистые волосы. — Вы... даже теперь пытаетесь помочь мне, — глухо проговорил он, продолжая прятать лицо. — После того, что я с вами... после того, что я натворил. Нет, Инессе, вы хороший человек, я же... я же... нет. Инессе слегка отстранилась, почти силой вынудив Кирилла приподнять голову и поднять на неё взгляд. Глядя ему в глаза и ощущая, как что-то переплавляется у неё внутри. — Ты неправ, Кирилл, —

просто произнесла она. Даже сама удивившись, сколь бесстрастно и невыразительно эти слова прозвучали. — Я плохой человек. Высвободившись из его объятий, она выскользнула из кресла и сделала пару шагов к письменному столику. Не позволяя себе передумать — имело ли это, впрочем, смысл? — извлекла из верхнего ящика пару тоненьких папок, усеянных убористым текстом в шрифте Courier New. Развернулась обратно к недоумённо следящему за ней Кириллу. — Читай. Не глядя далее на пациента, психолог взяла сумочку, накинула висевший на стенке халат и вышла в подсобку — небольшое дополнительное помещение, где у неё располагались запасы чая с кофе, миниатюрный сервант и прочие не слишком ожидаемые во врачебном кабинете вещи. Села в кресло, включив электрический кипятильник. Прислушиваясь к усиливающемуся гулу чайника, коснулась черенка ложки в стакане для чая — зачем-то подвинув его. Ей, по правде говоря, было уже всё равно, что будет. Скорее осязанием, чем слухом она уловила движение воздуха за спиной, почувствовала дрожь открывающейся двери. Таинственным шестым чувством ощутив очертания фигуры, расположившейся позади. Несколько секунд в комнате по-прежнему висело молчание. — Зачем вы… сделали это, Инессе? Она приоткрыла рот — и тут же закрыла, невидящим взором глядя на ложку в стакане. Удариться в психоанализ? Поведать о теории кризиса средних лет, в наш инфантильный век настигающего многих едва ли не сразу после двадцати? Просто признать вынужденно, что она, Инессе, латентная извращенка, выведенная на чистую воду иллюзией безнаказанности? Кирилл тем временем обогнул кресло и, стоя лицом к ней, полуопёрся ладонями о край стола позади. Изучая её внимательно и осторожно, как будто пытаясь прочесть невысказанный ответ по чёрточкам её лица. — Зачем вы… показали мне эти листы? — спросил он уже о другом, продолжая тщательно изучать лицо Инессе. — Ведь могли б, — тут голос его дрогнул на миг, — и не показать. Психолог коснулась пальцем металлического бока закипевшего чайника — словно проверяя температуру — и тут же отдёрнула палец. Деланно безразличный жест, позволяющий отвлечься от чувств — и надеть маску бесстрастия. — Ты считал меня хорошим человеком, Кирилл, — без выражения произнесла она. В подчёркнуто нейтральном тоне звучала лишь разве усталость. — Ты убедился, что это не так. Кирилл несколько секунд, несколько утомительно долгих секунд смотрел ей в глаза. На протяжении этих секунд Инессе стала ощущать, как по щекам её расходится пунцова, а сама она почти тонет в кофейном океане этих карих зрачков. — Мне не кажется, что вы… плохой человек, Инессе. — Он вытянул руку вперёд, коснувшись её ладони. — Просто… одинокий. Вздрогнув от прикосновения его пальцев, она ощутила, что глаза её почему-то слезятся. — Мне нельзя было работать психологом, Кир. — Не отводя взгляд от его лица, Инессе чуть сжала его пальцы своими. — Никак нельзя было. — Ну, почему, — он продолжал всё так же внимательно и осторожно смотреть на неё, хотя в глубинах его зрачков как будто промелькнула на миг искра иронии. — Гипнотизировать у вас получается превосходно. Уголки её губ непроизвольно дрогнули. Довольный произведённым эффектом, Кирилл отклеился от края стола, обходя её кресло сзади, на мгновение Инессе ощутила его руки на своих плечах, а его жаркие губы — прямо возле своего левого уха. — Ничего, если я сделаю вам чаю? От неожиданности она даже не нашлась с возражениями, хотя вообще-то обычно предпочитала кофе. Следя за движениями тинейджера, проворно открывающего коробку с пакетиками дорогого цейлонского чая, освобождающего пакетик от оболочки и сдабривающего пустой доселе стакан двумя с половиной ложками сахара, Инессе помимо своей воли ощущала противоестественное успокоение, тёплыми волнами растекающееся по

телу. Быть может, потому что ей более не предстоит ни лишение лицензии, ни продолжение волнующих постыдных экспериментов? Она попыталась себя убедить, что дело именно в этом. — Неплохо, — оценила она результат, слегка причмокнув языком. И поставила стакан с чаем обратно на столик. Окинула взглядом Кирилла, вновь полуопёршегося на стол и продолжающего изучать каждую черту её лица влюблёнными глазами. — Почему ты ничего не говоришь? Учитывая обстоятельства, она ждала бы от него определённых слов. И, хотя ответить на эти слова ей было бы нелегко, отсутствие их выглядело странно. — А что тут сказать, — Кирилл неловко пожал плечами. Фигура его, чуть сгорбившись, стала вызывать печаль. — Я всё понимаю. — Понимаешь... что, Кирилл? — уточнила она, отпивая ещё один глоток чая. Не то чтобы ей так уж хотелось пить. Он на миг оторвал от столешницы руки — словно желая развести ими, но сразу передумав. — Женская психология. Мужская психология. Ни одна девушка не станет вести роман с... малолеткой. — Кажется, каждое следующее слово давалось ему с трудом, он как бы с усилием выталкивал его из себя, несмотря на заливающиеся багрянцем щёки. — Это у вас в... генах. Забота об очаге. Мысли о будущем. Это мы можем просто наслаждаться моментом — у вас же подсознание с первого взгляда просчитывает всё на годы вперёд. Инессе недоумённо моргнула, ощущая смущение пополам с шоком, её рука со стаканом чая застыла в воздухе. Слышать подобные домыслы от едва совершеннолетнего тинейджера? — Откуда у тебя такие... познания о женской натуре, Кир? Парень горько усмехнулся, хотя лицо его продолжало пылать. — Это все из-за дядюшки с его нервным заболеванием. Квартира просто переполнена психологической, мистической и религиозной литературой. Карнеги, Берн, Коган, Экман, Леви, даже шарлатан Хаббард... с детства вращаюсь среди них. Психолог в задумчивости на миг опустила веки. — Поэтому тебя, быть может, не совсем понимают в классе? — мягко предположила она. Подбирая формулировку, как можно более льстящую подростковому самолюбию. — Ты слишком многое знаешь? Она поймала себя на мысли, что только теперь, лишь с этого момента, пожалуй, начинается истинная психотерапия. «Подумать только, Инессе. Пациенту пришлось изнасиловать тебя прямо в кресле, чтобы ты по-настоящему им занялась». — Какое там, — снова усмехнулся Кирилл. — Я думал когда-то, что знания обо всяких там социальных иерархиях мне помогут... без толку. Или это скорее я сам такой идиот, не способный контролировать перепады настроения. — Ну-ка, поподробней, — взмахнула бровями Инессе. Привычным жестом извлеча из сумочки шариковую ручку — не столько для реальных заметок, сколько для правильного настроя, — она потянулась за блокнотом, позабыв впопыхах, что он остался на столике в основном помещении кабинета. — Я принесу, — верно понял её движение Кирилл. Минутой позже он протянул ей блокнот, ладони их вновь мимолётно соприкоснулись. Психолог подняла голову, на миг задержав взгляд на кофейно-карих глазах пациента. Вечное проклятие пола. Почему нельзя не думать о будущем, почему нельзя просто жить текущими ощущениями, жить прямо здесь и сейчас? Кирилл меж тем присел рядом на корточки, преданно глядя на неё снизу вверх. — Спрашивайте, доктор. Почему ей кажется, что в глубинах его зрачков снова мерцает какая-то весёлая искра? И почему ей кажется, что не случайно его лицо сейчас расположено чуть выше уровня её коленей, откуда так удобно заглядывать под короткий халатик? — Ну, Кирилл, — кашлянула она, слегка сдвинув колени. И тут же, повинуясь неясному импульсу, раздвинула их вновь. — С чего начинаются обычно... твои проблемы? Рука парня легла ей на нагое колено. Медленно, неспешно, размеренно массируя его, отчего Инессе теряла всякую способность

фокусироваться на его словах. — Это долгая история, доктор, — рука Кира скользнула вверх по её бедру. Ладонь его узкой лодочкой поднырнула под край халата. — Вы уверены, что хотите выслушать её целиком?... — Хочу, — выдохнула она. И прикусила губу, ощущая, как сдвинутые клином пальцы проникают меж её влажных створок, как они вилочкой расходятся там вновь и вновь, как большой палец Кирилла выводит круги на треугольничке её клитора. На что она только что согласилась? — Кирилл, — начала было строго она. И тут же прервалась, ощутив особенно острый пируэт невоспитанных пальцев внутри. — Кирилл, — набрала вновь в грудь воздуха она. — По-моему... по-моему, ты хочешь своего психолога. — Хочу, — выдохнул парень, эхом повторяя недавно сказанное ею. Вдруг выпрямившись, он наклонился над нею и поднёс свои губы прямо к её уху. — Потому что мой психолог — мартовская кошка. — Ах, вот как, — прошептала Инессе. По идее она должна была ощущать некоторое унижение от внезапной смены ролей, протретировав пациента едва ли не три дня подряд перед этим, но вместо этого чувствовала в себе странный растущий азарт. — А не повторил бы ты это погромче? — поддела его она. — У меня в сумочке, между прочим, включенный диктофон. — Легко, — облизнул губы парень. Глаза его заблестели. Склонившись ближе к диктофону, с заговорщицким видом извлечённому Инессе из сумочки, он громко и отчётливо объявил: — Мой психолог Инессе — мартовская кошка, и я её хочу. Хочу её прямо здесь, хочу её везде, хочу её целиком и со всеми потрохами. Да, и... — в выражении его лица на мгновение мелькнула дерзость, — ...кончить на её волосы, кстати, я тоже хочу взаправду. Он прервался, тяжело дыша и не смея поднять на неё взгляд после этакого демарша — явно отчасти неожиданного даже для него самого — а Инессе отодвинула диктофон, эту драгоценную и могущую ещё пригодиться в некоторых жарких играх копилку для компромата, полуобвив почти неосознанно свободную руку вокруг плеч пациента. Её собственные глаза в этот миг, хоть она и не могла того видеть, хищно вспыхнули зелёным пламенем. «Ты сошла с ума, — шепнули в ней последние останки благоразумия. — Не случайно все ассоциации психологов запрещают отношения между врачом и пациентом, это только под действием гормонов кажется удачной идеей — лечить того, кем ты и вправду интересуешься». Но психологом Инессе уже себя не ощущала. ЭПИСКРИПТУМ — Терапия, как вы уже знаете, дала успех, — негромко произнесла Инессе. — Но, для закрепления результата и во избежание возникновения побочных последствий, мне бы хотелось порекомендовать вам на неопределённое время продлить курс. Она перевела взгляд с матери Кирилла, неловко переминающейся с ноги на ногу светловолосой женщины лет сорока, на его отца — небритого грузного мужчину с парой неповоротливых сумок. Поняли ли они хоть что-нибудь из её казуистики? Инессе надеялась, что нет. — Сколько это будет стоить? — поинтересовался мужчина. — У нас сейчас... Психолог, так и не решившаяся покинуть профессию официально, взмахнула ресницами. — Честно говоря, в вопросе изучения проблем вашего сына я столкнулась с очень интересным случаем. Я в настоящее время пишу диссертацию, и получаемые мною благодаря психотерапии сведения — без указания имён, разумеется, — могут оказаться крайне ценны. Так что, признаюсь, — тут Инессе решила не врать, — я бы и сама с радостью доплатила вам за продолжение курса. В выражениях лиц отца и матери на первый взгляд ничего не изменилось, но чутьё психолога подсказало Инессе, что лёд дрогнул.